

У королевы был кавалер

Повесть

Люся Петрова из седьмого «Б» была королевой. Она появилась в школе в середине учебного года (её отца перевели в небольшой дальневосточный райцентр по службе) и сразу потеснила с воображаемого пьедестала общепризнанных красавиц седьмого «Б» – Олю Островскую и Галю Хохлову. Их прежние ухажёры – Витька Климов и Женька Федоркин – моментально обратили взоры на новенькую. С пьедестала падать больно. Неудивительно, что местные девицы были не в восторге от самозванки. Более того, они имели на неё огромный зуб, даже два зуба, причём довольно ядовитых. Естественно, что однажды в тесноте школьной раздевалки созрел заговор против Люси. Оля и Галя ждали только удобного момента, чтобы сойтись в открытом бою, где новенькая непременно будет посрамлена. Но Люся не давала никаких поводов. С красавчиками из класса общалась ровно, так же, как и со всеми остальными одноклассниками. Оля и Галя затаились, стали наблюдать.

И в самом деле, было на что посмотреть. Люся не притворялась, не играла роль, она как будто и вправду была королевой. Монаршая сущность её сквозила во всём: в гордой посадке головы, размеренной походке, звенящем колокольчиковом смехе, в том, как она поправляла пышную чёлку, слегка прищуривала близорукие глаза, и даже в том, как она оборачивалась: не сразу, а как будто задумавшись на мгновение, – стоит ли? Всё было у неё не как у других: вечно холодные пальцы, модные очки-капельки и невероятной красоты кружевной школьный фартук, который на ней смотрелся не хуже горностаевой мантии.

Одним словом, не вторгнуться в неё было невозможно. Кроме Климова и Федоркина, многие мальчишки заглядывались на Люсю, но из всех она

почему-то в качестве кандидата в рыцари выделила только одного, причём самого неказистого. Звали его Славка Чернышов, и учился он классом старше.

А началось всё так. Однажды сосед Люси по парте заболел, и ей пришлось после уроков одной мыть пол в кабинете. Помыть – это полбеды. В процессе мытья необходимо было менять воду в огромном оцинкованном ведре. Славка шёл в раздевалку, когда в коридоре ему встретилась Люся, которая перебежками тащила тяжёлое ведро в свой класс. Славка молча подхватил ведро, а запыхавшаяся девочка посмотрела на него с благодарностью. Он помог ей закончить уборку, вынес грязную воду. И так само собой получилось, что пошёл провожать её до дома.

С того дня Славка Чернышов носил Люсин портфель, следуя чуть поодаль, как полагается придворному пажу, выслеживал её на переменах, жадно провожая взглядом тоненькую фигурку. Поразительно, но парень совсем не боялся насмешек, и на чей-нибудь вопрос типа «Что ты ходишь за ней, как приклеенный?» не реагировал абсолютно. Более того, на школьных субботниках, отработав со своим классом, Славка умудрялся выполнить и её норму. Королева снисходительно позволяла...

Когда одноклассницы спрашивали Люсю, нравится ли ей Славка, она презрительно хмыкала: «Вот ещё!» А на недоумённый вопрос, зачем она с ним связалась, отвечала: «Пусть будет. Для коллекции». Откровенно говоря, никаким собранием благородных рыцарских сердец она не владела, точнее Славка стал первым и пока единственным экспонатом этой коллекции. Островская и Хохлова немного расслабились, но так как прежнего расположения своих кавалеров вернуть не получалось, они всё-таки держали ушки на макушке. Кто её знает, эту новенькую, что у неё на уме? Может, она только делает вид, что интересуется Славкой, чтобы заставить ревновать настоящих красавцев?

Славка Чернышов не был избалован девичьим вниманием. И не мудрено. Щуплый, с большими глазами на бледном лице, паренёк говорил так неразборчиво, что все логопеды мира, если бы им пришлось столкнуться с этим безнадёжным случаем, моментально убедились бы в своей несостоятельности и, опозоренные, оставили бы профессию.

Жил Славка с родителями и младшими братьями-близнецами Валькой и Игорьком в двухквартирном доме на берегу реки, на улице с громким названием Набережная. Мама, коренная ленинградка, рассказывала детям, какие набережные в Ленинграде. «Волшебные! – вспоминала она и мечтательно улыбалась. – Когда-нибудь мы накопим денег и обязательно туда съездим в гости к бабушке Зине». Славка усвоил, что название «Набережная» предполагает ряды фонарей, вечерами отражающихся в глади реки, парочки гуляющих, лунную дорожку на речной поверхности...

Ничего такого не существовало в Славкиной жизни. А были – похожие друг на друга старые деревянные дома, мазанные глиной и белённые голубоватой извёсткой. Они шеренгой стояли по одной стороне грунтовой дороги, обсаженной тополями, которая после дождей превращалась в кисель. Спуск к реке был крутой, глинистый, поросший кое-где полынью и дёрном, с норками гнёзд ласточек-береговушек.

Здесь, на берегу Уссури, недалеко от дома, отец давным-давно построил деревянные мостки. Сюда с самого детства с весны до глубокой осени Славка с отцом приходили рыбачить. Ловилось неплохо: хватало и речной мелочи коту Мурзику, и рыбки покрупнее, на уху для семьи. Особенно нравилась Славке в ухе касатка – средних размеров речная рыбка, похожая на сома, с жёлто-чёрными пятнами и без чешуи. В ухе она была необыкновенно вкусной и, что особенно приятно, без мелких костей.

Здесь, на мостках, они вели мужские разговоры. Отец рассказывал о службе на Балтийском флоте, о том, как познакомился с мамой в увольнении, как, подкараулив у её подъезда, затеяли с ним драку трое крепких ребят из маминого двора. Славка с восторгом смотрел на отца: какой он смелый! Не побоялся один против троих... Славке хотелось сказать отцу много всего, но он сказал только:

– Я бы так не смог.

– Сынок, смог бы. Ты ведь мой сын. А мы, Чернышovy, все немного того, – отец повертел пальцем у виска и засмеялся. – Главное, когда на тебя нападают, не думать о том, что их больше и что ты их боишься. Врага подавляет бесстрашие, понимаешь?

– Да, понимаю. Но не совсем, – вздохнул Славка.

– А тут и понимать нечего, – усмехнулся отец. – Как первый раз себя покажешь, так и пойдёт дальше. Понял? Если они поймут, что ты не трус, отцепятся от тебя.

– Пап, а ты их победил тогда?

– Ну, скажем так: ничья. Сначала они мне нос расквасили, сбили с ног и начали пинать. Тогда я понял: надо во что бы то ни стало схватить что-нибудь в руки. Что-нибудь тяжёлое. Потому что ногами они бы меня совсем забили. И откуда только ярость взялась... Я озверел тогда. Вскочил, метнулся к забору, выломал штакетину и ринулся на них. Что ты думаешь, они сделали?

Славка пожал плечами.

– Они дали дёру, сынок, – сказал отец и повторил: Да, они дали дёру.

Славка восторженно смотрел на отца. Ему хотелось быть таким же сильным и смелым, чаще сидеть вот тут, на мостках, на берегу реки, слушать отцовские рассказы, расспрашивать его обо всём на свете. А потом

возвращаться с уловом, и дома небрежно, как отец, вытряхивать из садка в большой таз щук, карасей и касаток. А потом чистить вместе с ним рыбу во дворе на большой чурке, покрытой газетой, и отгонять Мурзика, потому что отец приказал: «Мурзик на твоей совести». А потом втихаря скормить Мурзику не только мелкую рыбёшку, для него предназначенную, но и кусочек кое-чего повкуснее.

Но в последнее время отец поменял место работы, устроился водителем директора в «Райсельхозтехнику», стал возвращаться поздно и на все просьбы о рыбалке отнекивался, дескать, устал. А одному Славке рыбачить было скучно.

Раньше отец работал шофёром в автоколонне: возил разные грузы по району, а иногда в большие города – Уссурийск, Владивосток. Тогда он тоже уставал, но мама не сердилась на него так, как теперь. Родители стали часто ссориться по пустякам. Так Славке казалось, что по пустякам.

Однажды, придя из школы, он застал маму в слезах. К ней в гости зашла соседка, тётя Вера, которая работала в гастрономе и была в курсе всех поселковых сплетен. Что она такого наговорила матери, Славка не знал, но понял, что плачет мама именно из-за неё. Увидев Славку, соседка поднялась и направилась к двери, а с порога обернулась и сказала:

– Смотри, Нин. Твоё дело, конечно. А мне врать зачем? За что купила, за то продаю.

Мама вытерла слёзы, молча налила Славке суп и легла на кровать, отвернувшись к стене. Валька с Игорьком под обеденным столом играли в солдатиков. У Славки заныло сердце: впервые в жизни мама не поинтересовалась, как у него дела в школе, какие оценки получил. Как будто это не её сын пришёл домой, а соседский мальчик случайно забрёл. Славке происходящее сильно не понравилось. Аппетит у него пропал. Еле-еле

домучил он суп, только чтобы маму не расстраивать ещё больше. Помыл тарелку, ложку, подошёл к кровати и погладил мать по плечу:

– Мам, не плачь! Что она тебе наговорила, эта тётка Верка?

Мать не ответила, плечи её ещё вздрагивали.

– Я пойду дров принесу.

– Иди, сынок.

Вечером, когда пришёл отец, мама была уже весёлая, такая, как всегда. Они ужинали всей семьёй, потом смотрели кино по телевизору, и Славка даже подумал, что зря он разволновался днём. Мало ли отчего плачут женщины? Они странные, кто их разберёт?

По утрам Славка выходил из дома рано, чтобы успеть занять пост у Люсиного подъезда. Пока девочка завтракала, он гипнотическим взглядом всматривался в кухонное окно. Вдруг выглянет? Но в оконном проёме чаще появлялась фигура её мамы.

Обычно Люся спрашивала:

– Часовой на посту?

– А то! – откликалась мама. Люся, загадочно улыбаясь, допивала чай, томно засовывала руки в рукава пальто – входила в роль.

На улице Славка сразу брал у неё портфель, и они шли в сторону школы. Трёхэтажное школьное здание из красного кирпича было в пятнадцати минутах ходьбы. Люся шла быстро, а Славке хотелось шагать медленнее, чтобы запомнить, сохранить в душе, растянуть счастье надолго, до самого завтрашнего утра.

Говоря с ней, он волновался: лопушистые уши наливались румянцем, а вместо слов вырывались такие автоматные очереди, что Люся иногда делала

брезгливую гримасу. Однажды девочка сказала:

– Знаешь, тебе надо заниматься речью. Такая дикция никуда не годится!

Он опешил, не зная, что ответить, и так и замер с полуоткрытым ртом, откуда не успели вылететь несколько с вечера заготовленных фраз.

– И чо? – тупо произнёс он, сразу же осознав глупость вопроса.

Люся приостановилась, приподняла брови и сделала удивлённые глаза:

– Что значит «чо»? Попробуй для начала скороговорки. Только слишком быстро сразу не говори. Сначала надо медленно.

– А где я их возьму? – ещё больше краснея, спросил Славка.

Люся нахмурилась:

– Интеллигентные люди давно потоптали тропу в библиотеку.

Оставшуюся часть пути они шли молча. Каждый думал о своём, поэтому на дразнилку младшеклассников про тили-тили тесто не обратили внимания.

Уроки в этот день тянулись медленно. На большой перемене Славка зашёл в библиотеку. В отличие от интеллигентных людей, он тропы за восемь лет обучения туда потоптать не успел. Поэтому слонялся, с удивлением и любопытством разглядывал стеллажи с книгами, пережидая очередь к столу выдачи. Наконец библиотекарь освободилась, спросила:

– Мальчик, ты записан у нас? Что-то я тебя не помню.

– Я... был записан. Давно.

Библиотекарь чуть прищурила глаза, спросила:

– Ты из какого класса?

– Восьмой «А», – выдавил Славка.

Когда карточка была найдена, оказалось, что последней прочитанной книгой Славки была «Репка».

– Что же ты, дружок, а? За восемь лет ни разу не пришёл...

Славка понял, что краснеет, и стал переминаться с ноги на ногу.

Взглянув на часы, библиотекарь сказала:

– Скоро звонок. Тебе какая книга нужна?

– Я хотел спросить...

Звонок зазвенел оглушительно и резко. Славка сорвался с места, пробормотал, что зайдет после, и исчез, хлопнув дверью.

Всю дорогу, пока бежал к кабинету географии, он мысленно ругал себя за неуверенность и трусость. Ну, невозможно было задать вопрос о скороговорках после позорной записи про «Репку» в читательском формуляре.

Вечером он спросил у матери:

– Мам, ты какие-нибудь скороговорки знаешь?

Мать засмеялась:

– Скороговорки? Зачем тебе, сынок?

– Да так. Просто.

– Про дрова, – вспомнила мама. – На дворе трава, на траве дрова.

– И всё? – насупился Славка.

– Всё. А что ещё-то?

– Она же лёгкая, детская! А труднее знаешь?

– Ой, орёл! Ты хоть эту научись говорить. Каша во рту, – отмахнулась мать.

Славка обиженно замолчал. Весь вечер он шёпотом проговаривал слова скороговорки, как велела Люся: сначала медленно, потом быстрее, пока не уснул. Ему даже приснилась трава, на которой дрова.

Проснулся Славка среди ночи от громкого разговора. На кухне горел свет и в полный голос ругались родители. Двери между кухней и детской комнатой не было, только плотные шторы. Славка отодвинул штору, посмотрел в щёлку.

Мама, в халате поверх длинной ночной сорочки, сидела на кушетке, её трясло, как в лихорадке.

– Сергей, я давно знала. Только надеялась, что это у тебя пройдёт. Не прошло. Спасибо за правду. Как только я жить теперь буду, с твоей правдой?

Отец, нахмурившись, сидел у круглого обеденного стола, курил.

– Не мы первые – не мы последние. Тысячи расходятся – и ничего. От алиментов я не отказываюсь.

– Да кому ты нужен с такими доходами? Пятьдесят процентов на троих детей будешь платить. Фифе твоей, небось, подарки нужны? Нужны! Это же туда твои премиальные утекали.

Отец молчал.

– Молчишь? Да я и без тебя всё знаю. Чай не в городе живём. Всем всё известно. И про серьги золотые, и про батничек импортный, размер сорок шесть, – мать снова заплакала. – А мальчишкам ботинки нужны, всем троим. Они растут, да будет тебе известно!

Валька и Игорёк крепко спали. Славка лёг, укрывшись с головой одеялом. Он долго ворочался, и последнее, что запомнилось из тягостного разговора родителей, это слова матери о том, что она уедет. «А как же мы? – подумалось Славке, – почему она говорит только о себе?» Но сон уже навалился на него, и до самого утра ему снилась всякая чушь, от которой он то и дело просыпался.

На следующий день в 7:15 утра Славка выскочил из дома. В 7:30 он уже стоял около подъезда Люси и шёпотом повторял раз за разом: «На дворе трава, на траве дрова». Как назло, язык заплетался, скороговорка получалась совсем не скорой, к тому же, произносил он слова с ошибками. Люся показалась, как обычно, в 7:45.

– Привет! – окинула она мальчика придирчивым взглядом. – Ну что, пошли?

– Привет, – он взял из ее руки портфель.

Люсины пальцы были ледяными.

– Что-нибудь случилось? Ты чего такой? – спросила Люся.

– Какой – такой? Нормальный я, – нахмурился Славка.

– Ну, хорошо, – недоверчиво согласилась Люся и переменила тему: А как твой поход в библиотеку?

– Нормально, – буркнул он.

– Ага, – загадочно сказала Люся, – значит, сейчас будем слушать скороговорку! Выучил?

– Конечно! – торопливо отреагировал Славка, и язык его вмиг стал тяжёлым и неповоротливым.

– Рассказывай! – приказала Люся. – Сначала три раза – медленно, потом пять раз – быстро.

Они уже свернули за угол школы, оставалось пройти несколько метров до крыльца. Славка вдруг оробел, он почувствовал, как противно дрожит голос.

– Давай, я тебе после школы расскажу! А то мне ещё надо переодеться на физкультуру, – с этими словами он вернул Люсе портфель и опрометью ринулся по ступенькам школьного крыльца.

Люся пожала плечами, с достоинством оглянулась по сторонам и, гордо выпрямив спину, торжественно протиснула в просвет тяжёлой двери своё царственное тело. Обычно верный оруженосец доставлял портфель прямо до кабинета, а уж потом мчался к своему классу. Сегодняшний инцидент неприятно поразил Люсю, но она решила не подавать вида. Королеве не пристало печалиться из-за пажей.

После уроков, когда Славка провожал её домой, он несколько раз проговорил про злополучные дрова и траву – сначала в медленном темпе, потом быстрее и быстрее.